

Болезнь

Сердце начало беспокоить Бродского рано, когда он казался окружающим здоровенным парнем да и вел себя соответственно. Молодые врачи, посетившие его в Норенской в начале ссылки, обнаружили у него «признаки декомпенсации порока сердца – боли, кровохарканье»⁵⁵². Склонность к сердечно-сосудистым заболеваниям, вероятно, была наследственной: отец перенес несколько инфарктов (что не помешало ему дожить до восьмидесяти). Сыграли свою роль «двадцать шесть лет непрерывной тряски, / рытья по карманам, судейской таски» – известна связь между ишемической болезнью и психологическими стрессами, хотя никогда не ясно – приступы стенокардии возникают в результате стрессов или психологическая неустойчивость обуславливается болезнью. Непосильный труд при скверном питании в деревне, а в годы эмиграции неустроенная холостая жизнь тоже подрывали здоровье. В Энн-Арборе Бродский завел велосипед, позднее недолго ходил в бассейн, но все это отнимало время и вскоре было заброшено. Что касается вредных привычек, то пил Бродский, по крайней мере по меркам соотечественников, умеренно, но злоупотреблял крепким кофе и, что было особенно пагубно, много курил. На мой вопрос, можно ли назвать одну главную причину смерти Бродского, лечивший его известный нью-йоркский кардиолог, не задумываясь, ответил: «Курение».

Когда Солженицын в заключение своего письма писал: «Желаю Вам здоровья и бодрости, постарайтесь не терять их», – это была не просто стандартная эпистолярная концовка. За пять месяцев до того, 13 декабря 1976 года, Бродский перенес обширный инфаркт. Ему предстояло прожить еще девятнадцать лет, но все эти годы состояние его здоровья постоянно ухудшалось. Через два года, почти день в день после инфаркта, 11 декабря 1978 года, ему понадобилась операция на сердце. Второй раз сердечные сосуды заменяли семь лет спустя, в декабре 1985 года. Этому предшествовало еще два инфаркта. В последнее десятилетие своей жизни Бродский периодически оказывался в больнице. Врачи поговаривали о третьей операции, а под конец и о трансплантации сердца, откровенно предупреждая пациента о том, что в этих случаях велик риск летального исхода. Бродский быстро старел, выглядел значительно старше своих лет. Под конец почти любые физические

551 *Интервью 2000*. С. 653. Это не красивая аллегория, подготовленная специально для интервью. Рассказывая мне по свежим следам о встрече с Горбачевым, Бродский сказал почти то же самое: «Он [Горбачев] что-то говорит, но это неважно. Кажется, что в комнату вошла История».

552 Чуковская. Т. 3. С. 410.

усилия стали непосильными. «Трудно стало одолеть расстояние этак с длину фасада...» – сказал он в декабре 1995 года Андрею Сергееву⁵⁵³.

Особенность ишемической болезни состоит в том, что приступы стенокардии приходят и уходят неожиданно. Они могут быть более или менее болезненными, но всегда сопровождаются ощущением смертельной опасности. Грудная жаба, или *angina pectoris* («*angina dentata*», как каламбурил Бродский – по созвучию с мифологическим мотивом «*vagina dentata*»), заставляет больного жить с ощущением, что смерть постоянно рядом – может прикончить, а может и пощадить. Это скорее сравнимо с ощущениями солдата на передовой, чем пациента, страдающего какой-нибудь другой тяжелой болезнью. Сравнение тем более правомерное, что солдату нельзя сосредоточиться на спасении себя от смерти, а нужно воевать.

На протяжении всей своей взрослой жизни Бродский писал стихи в ощутимом присутствии смерти. Он не был ипохондриком, обладал способностью жить полноценно, даже радостно, несмотря на болезнь – особенно, когда болезнь давала передышку. У него нет стихов, датированных 1979 годом, то есть годом вслед за первой операцией на сердце, но можно только гадать, было ли это вызвано послеоперационной депрессией, другими причинами личного характера или желанием писать не так, как прежде⁵⁵⁴. Действительно, в поэтике «Урании» и последней книги стихов немало нового, но меняется и жизне– (смерте?) ощущение автора. Кажется, стоило Бродскому осознать, насколько ограничен его жизненный срок, как у него исчезли мотивы мрачной резиньяции, проявившиеся в таких написанных до 1979 года вещах, как «Темза в Челси» (1974; ЧР), «Квинтет» (1977; У), «Строфы» («Наподобье стакана...»; 1978; У). Напротив, появляются вещи, которые иначе, как жизнерадостными, не назовешь. Это – итальянские стихи в «Урании»: «Пьяцца Маттеи» (1981), «Римские элегии» (1981), «Венецианские строфы» (1982).

И позднее, среди стихов последнего, плодоносного семилетия, собранных в «Пейзаже с наводнением», наряду с вещами элегического или иронического характера имеются и весьма мажорные («Испанская танцовщица», «Облака», «Подражание Горацию», «*Ritratto di donna*»). В последней книге, по сравнению со всеми предыдущими, велика доля комического. Юмор доминирует в таких стихотворениях, как «Кентавры» (весь цикл), «Ландверканал, Берлин», «Ты не скажешь комару...», «Театральное», «Храм Мельпомены» и, конечно, почти буффонадное «Представление», но немало смешного и в других, более серьезных по общему тону вещах⁵⁵⁵. Одно из последних стихотворений, «Корнелию Долабелле» (осень 1995 года), заканчивается трагической и торжественной строкой: «И мрамор сужает мою аорту», – склеротическое кальцинирование сосудов переосмысливается как приобщение к пантеону, где достойные обретают вечную жизнь мраморных статуй. Начинается стихотворение, однако, со сравнения мраморного римлянина в тоге с человеком, выскочившим из-под душа, наскоро обернувшись полотенцем.

«У пророков не принято быть здоровым», – писал Бродский еще в 1967 году («Прощайте, мадмуазель Вероника», ОВП). Болезнь он воспринимал не как аномалию, а как условие творчества, если не вообще человечности. Мысль о том, что постоянное осознание неизбежности смерти придает смысл жизни, не нова. Она с великолепной лапидарностью выражена у Шекспира в заключительном куплете Сонета CXLVI:

So shalt thou feed on Death, that feeds on men,

553 Сергеев 1997. С. 464.

554 Предварительное изучение архивных материалов заставляет предположить, что стихи в 1979 г. Бродский писал, но, видимо, не был удовлетворен ничем из написанного и считал необходимой дальнейшую работу над этими текстами.

555 Из четырех старых, написанных еще в России стихотворений, которые Бродский включил в ПСН, два, «Песня о красном свитере» и «Любовная песнь Иванова», были пародийно-юмористическими.

And Death once dead, there's no more dying then.

(Так питайся же, [душа], Смертью, которая питается людьми, /
а когда Смерть умерщвлена, нет более умирания.)

О том, что душа питается смертью, писал в одном из лучших стихотворений своей ранней поры и ленинградский товарищ Бродского Александр Кушнер, сравнивая постоянную мысль о смерти с ядовитым зернышком:

Но без этого зерна,
Вкус не тот, вино не пьется.

Эту же мысль еще более лапидарно выразил американский поэт Уоллес Стивенс в стихотворении «Воскресное утро» (1923): «Смерть – мать прекрасного...»

В первой части «Урании» есть маленькое стихотворение с концовкой, проясняющей отношение Бродского к физическому нездоровью:

Те, кто не умирают, живут
до шестидесяти, до семидесяти,
педствуют, строчат мемуары,
путаются в ногах.
Я вглядываюсь в их черты
пристально, как Миклуха
Маклай в татуировку
приближающихся
дикарей.

В чем связь между здоровьем, позволяющим дожить до шестидесяти – семидесяти лет, и дикарством? Лучший ответ на этот вопрос мы находим в монологе одного из персонажей «Волшебной горы», хотя Бродский и недолюбливал Томаса Манна: «Болезнь в высшей степени человечна... ибо быть человеком значит быть больным. Человеку присуща болезнь, она-то и делает его человеком, а тот, кто хочет его оздоровить, заставить его пойти на мировую с природой, „вернуть к естественному состоянию“ (в котором, кстати, он никогда не пребывал), все эти подвизающиеся ныне обновители, апостолы сырой пищи⁵⁵⁶, проповедники воздушных и солнечных ванн, всякого рода руссоисты, добиваются лишь его обесчеловечивания и превращения в скота... Человечность? Благородство? Дух – вот что отличает от всей прочей органической жизни человека, это в большой степени оторвавшееся от природы, в большой степени противопоставляющее себя ей существо. Стало быть, в духе, в болезни заложены достоинство человека и его благородство; иными словами: в той мере, в какой он болен, в той мере он и человек; гений болезни неизмеримо человечней гения здоровья»⁵⁵⁷. «Возвращение к естественному состоянию» – это «дикарство» пожилых здоровяков в стихотворении Бродского.